

УДК 821.112.2-31(430)
ББК 84(4Гем)-44
Я46

Серия «Семейный узор»

Anne Jacobs
DAS ERBE DER TUCHVILLA

Печатается с разрешения автора и издательства
Penguin Random House Verlagsgruppe GmbH

Перевод с немецкого *Аделии Зубаревой и Елены Усмановой*

Оформление обложки *Александра Воробьева*

Якобс, Анне.

Я46 Непокорная фрау Мельцер: [роман] / Анне Якобс; – [перевод с немецкого Зубаревой А. и Усмановой Е.]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 512 с. — (Семейный узор).

ISBN 978-5-17-155557-3

1923 год, Аугсбург. Обитатели поместья Мельцеров с оптимизмом смотрят в будущее.

Из плена возвращается Пауль, и Мари может вздохнуть свободно. Он берет на себя руководство ткацкой фабрикой, собираясь вернуть ей былую славу.

Мари же осуществляет свою давнюю мечту: она открывает собственное ателье. Ее модели пользуются большим успехом, и теперь у нее есть собственные деньги, вот только распоряжаться ими она не может. Ведь по традициям того времени без согласия мужа Мари не может совершать крупные траты. На этой почве они начинают все чаще ссориться.

Еще больше разногласий у Мари с мужем возникает с появлением новой гувернантки Серафины, но Пауль словно не замечает интриг, плетущихся вокруг их семьи.

Разрываемая ревностью и недоверием мужа, Мари с детьми покидает поместье...

Сможет ли Пауль вовремя понять, что кто-то преднамеренно разрушает их брак и семейное дело? Поверит ли вновь Мари в пресловутую истину о том, что любовь преодолевает все?

УДК 821.112.2-31(430)
ББК 84(4Гем)-44

© 2015 by Blanvalet Verlag, a division
of Penguin Random House Verlagsgruppe GmbH,
München, Germany

© Зубарева А., Усманова Е., перевод, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ISBN 978-5-17-155557-3

*Сюжет и персонажи вымышлены.
Любое сходство с живыми или реальными людьми
чисто случайно.*

I

Сентябрь 1923 года

Лео торопился. На лестнице он оттолкнул первоклассников и протиснулся мимо группы болтающих девочек, где ему пришлось остановиться, потому что кто-то сзади схватил его за ранец.

— Не спеши, — с усмешкой сказал Вилли Абель. — Выскочки и друзья евреев — назад.

Эти слова были в адрес его отца. И Вальтера, его лучшего и единственного друга. Он был болен сегодня и не мог защитить себя.

— Отпусти или получишь! — предупредил Лео.

— Ну, слабак... давай, попробуй.

Он попытался освободиться, но его держали железной хваткой. Справа и слева мимо них по лестнице в школьный двор проносился поток детей младшего школьного возраста и дальше выливался на Роте-Торваль-штрассе. Лео удалось протащить своего противника за собой до самого двора, и тут порвалась одна из лямок ранца. Ему пришлось быстро развернуться и схватить его, иначе в руках Вилли оказался бы школьный ранец вместе с книгами и тетрадями.

— Мельцер — собачья какашка! — усмехнулся Вилли и попытался расстегнуть пряжку на ранце Лео.

Лео покраснел. Он знал это оскорбление, особенно дети из рабочих кварталов любили кричать ему вслед подобные гадости. Потому что он был лучше одет, и Юлиус иногда забирал его из школы на автомобиле. Вилли Абелье был на целую голову выше Лео и на два года старше. Но сейчас это не имело

значения. Сильный удар ногой в колено Вилли — и тот взвыл и выпустил добычу. Лео успел поставить на землю свой освободившийся ранец, когда соперник вновь набросился на него. Оба упали на землю. Удары сыпались на Лео, порвался рукав его куртки, он слышал, как тяжело дышит Вилли, и изо всех сил боролся с более сильным противником.

— Что здесь происходит? Абеле! Мельцер! Разойдитесь!

Изречение, что первые будут последними, оказалось верной, потому что Вилли, который лежал сверху как более сильный боец, первым почувствовал на себе карающую руку учителя Урбана. Лео, напротив, схватили за воротник и поставили на ноги — от должного подзатыльника его спас кровоточащий нос. Молча с перекошенными лицами оба мальчика слушали речь учителя о наказании; гораздо хуже были насмешки и перешептывания одноклассников, образовавших плотный круг зрителей вокруг драчунов. Особенно девочек.

— Он дал ему жару...

— Кто бьет младших, тот трус...

— Лео получил по заслугам — такой высокомерный...

— Вилли Абеле — собака...

Проповедь учителя Урбана тем временем пронеслась мимо них, не будучи услышанной. Все равно он всегда говорил одно и то же. Теперь Лео пришлось достать носовой платок и высморкаться. Рукав его куртки слегка порвался. Когда он вытирал лицо, то заметил сочувствующие и восхищенные взгляды девочек, которые его откровенно смущали.

Вилли продолжал утверждать, что Мельцер «лез без очереди», и получил второй подзатыльник от учителя Урбана. Хороший такой подзатыльник.

— А теперь пожмите друг другу руки...

Они знали о ритуале, который полагался после каждой драки и который не давал ни малейшего результата. Тем не менее они кивали на наставления учителя и обещали впредь ладить друг с другом. Германия, так сильно пострадавшая во время войны, нуждалась в рассудительных, трудолюбивых молодых людях, а не в хулиганах.

— Идите домой!

Это было спасением. Лео повесил пострадавший ранец на плечо и хотел уже побежать, но ни в коем случае нельзя было создать впечатление, что он убегает от своего противника, поэтому ему пришлось идти размеренным шагом до школьных ворот. Только тогда он начал бежать. На Рембольдштрассе Лео на мгновение остановился и с ненавистью оглянулся на большое кирпичное здание. Почему он должен был ходить в эту дурацкую начальную школу на Роте-Торвалль-штрассе? Отец говорил ему, что сразу пошел в гимназию Святого Стефана. В подготовительный класс. Там учились только мальчики из хороших семей, которым разрешалось носить разноцветные шапочки. Девочек там не было. Но Республика хотела, чтобы все дети сначала ходили в начальную школу. В Республике царил беспорядок. Все ругали ее, особенно бабушка. Она всегда причитала, что при кайзере все было гораздо лучше.

Он снова высморкался в носовой платок и понял, что кровь из носа, к счастью, больше не идет. Но теперь вперед, они, наверное, уже заждались. Вверх по холму мимо Сант-Ульриха и Афры, через несколько переулков к Мильхбергу, а затем на Максимилианштрассе... Он внезапно остановился. Звучала музыка на фортепиано. Кто-то играл знакомую мелодию. Глаза Лео скользнули вверх по серым оштукатуренным стенам многоквартирного дома. Мелодия доносилась со второго этажа, где была открыта створка окна. Он ничего не мог разглядеть, перед окном была задернута белая занавеска, но кто бы ни играл на фортепиано, звучало потрясающе. Где он слышал эту музыку раньше? Может быть, на концерте художественного союза, куда мама часто его водила? Это было так великолепно и в то же время там печально. Лео снова буквально вздрогнул, когда раздалась аккорды. Он мог бы часами стоять и слушать, но сейчас пианист прервал свою игру, чтобы внимательнее воспроизвести какой-то отрывок. Он повторял его снова и снова, и от этого стало скучно.

— Вот он!

Лео вздрогнул. Это был звонкий, пронзительный, словно орган, голос Хенни. Ага, они вышли навстречу ему. Им повезло: с таким же успехом он мог бы свернуть в другой пе-

реулок. Держась за руки, девочки бежали по тротуару навстречу ему: Додо — с развевающимися светлыми косичками, Хенни — в розовом платье, которое сшила для нее мама. Маленькая губка все еще болталась на ее ранце, потому что Хенни только в этом году пошла в школу и все еще училась писать на школьной доске.

— Почему ты смотришь в небо? — поинтересовалась Додо, когда они, задыхаясь, остановились перед ним.

— Мы ждали тебя сто лет! — с упреком воскликнула Хенни.

— Сто лет? Ты бы уже давно умерла!

Хенни не приняла возражения. Она слышала только то, что ее устраивало.

— В следующий раз мы пойдем без тебя...

Лео пожал плечами и осторожно покосился на Додо, но она не собиралась его защищать. Однако все трое знали, что он встречает их только потому, что так захотела бабушка. По ее мнению, две семилетние девочки не должны ходить по городу без сопровождения, особенно в эти беспокойные времена. Поэтому Лео поручили сразу же после окончания школы отправиться в Сент-Анну, чтобы доставить сестру и кухню в целостности и сохранности обратно на виллу.

— Как ты выглядишь? — Додо заметила порванный рукав. А также кровь, капнувшую на воротник.

— Я? Почему?

— Ты опять дрался, Лео!

— Фуууу! Это кровь? — Хенни коснулась воротника его рубашки вытянутым указательным пальцем. Трудно сказать, показались ли ей красные пятна отвратительными или будоражащими. Лео оттолкнул ее руку.

— Прекрати. Нам пора идти.

Додо все еще внимательно изучала его, ее глаза сузились, а губы сжались.

— Опять Вилли Абеле, да? — Он угрюмо кивнул. — Если бы я только была там. Сначала сильно дернула его за волосы, а потом... плюнула на него!

Она сказала это со всей серьезностью и дважды кивнула. Лео был тронут, но в то же время ему было неловко. Додо

была его сестрой, она была храброй и всегда поддерживала его. Но она всего лишь девочка.

— Пойдемте! — крикнула Хенни, которая уже давно забыла про драку. — Мне еще нужно сходить к Меркле.

Это был крюк, на который нельзя было тратить время.

— Не сегодня. Мы опаздываем...

— Мама дала мне деньги специально, чтобы я купила кофе. — Хенни всегда хотела командовать. Лео решил быть очень внимательным, чтобы снова не попасться в ее ловушку. Но это было нелегко, потому что Хенни всегда находила разумную причину. Как сегодня: покупка кофе! — Мама не может жить без кофе! — добавила она.

— Ты хочешь, чтобы мы опоздали на обед?

— Ты хочешь, чтобы моя мама умерла? — возмущенно спросила Хенни в ответ.

У нее снова получилось. Они направились на Каролиненштрассе, где в маленьком магазинчике госпожа Меркле предлагала «кофе, джемы и чай». Не все могли позволить себе такие деликатесы. Лео знал, что многие его одноклассники получали на обед только тарелку ячменного супа, школьный завтрак они вообще не приносили. Ему часто было их жалко, и иногда он делился своим бутербродом с колбасой. Обычно с Вальтером Гинзбергом, своим лучшим другом. У его матери был магазинчик на Карлштрассе, где продавали ноты и музыкальные инструменты. Но дела шли плохо. Папа Вальтера погиб в России, и была инфляция. Все становилось дороже и дороже, и как говорила мама, деньги больше ничего не стоили. Вчера госпожа Брунненмайер, повариха, жаловалась, что ей пришлось заплатить 30 000 марок за фунт хлеба. Лео уже умел считать до тысячи. Это было тридцать раз по тысяче. Хорошо, что после войны почти не осталось монет, а только купюры, иначе Брунненмайер, наверное, пришлось бы нанять лошадь с телегой.

— Смотри — магазин фарфора Мюллера закрылся. — Додо указала на витрины, заклеенные газетами. — Бабушка будет расстроена. Она всегда покупает здесь кофейные чашки, если какая-нибудь разобьется.

Такое уже не было чем-то необычным. Многие магазины в Аугсбурге были закрыты, а те, что еще работали, выставляли на витрины только старые, бывшие в употреблении товары. Папа недавно за обедом сказал, что эти мошенники придерживают хорошие товары, ожидая лучших времен.

— Смотри, Додо. Здесь танцующие медведи...

Лео презрительно наблюдал, как девочки прижимались носами к витрине булочной. Липкие танцующие мишки из красного и зеленого мармелада его не интересовали.

— Купи наконец кофе, Хенни! — взмолился он. — Меркле прямо там, напротив.

Он загнулся, потому что только сейчас понял, что рядом с маленьким магазинчиком фрау Меркле находился магазин сантехники Хьюго Абеле. Он принадлежал родителям Вильгельма Абеле. Вилли, того самого школьного хулигана. Интересно, был ли он уже дома? Лео прошел еще несколько шагов и заглянул через дорогу в витрину магазина сантехники. Там не было ничего особенного, только несколько шлангов и кранов, лежавших у самого окна. Позади возвышался матово-белый фарфоровый унитаз. Лео прикрыл глаза от косого сентябрьского солнца и заметил, что на этом изысканном предмете, во-первых, был синий логотип компании, а во-вторых, он был уже довольно пыльным.

— Хочешь купить унитаз? — спросила Додо, которая шла за ним.

— Нет.

Додо теперь тоже посмотрела через дорогу и сморщилась.

— Это же магазин родителей Вилли Абеле, верно?

— Мм...

— Вилли там внутри?

— Может быть. Он всегда помогает им.

Брат и сестры посмотрели друг на друга. В серо-голубых глазах Додо что-то промелькнуло.

— Я зайду туда.

— Зачем? — спросил он с тревогой.

— Спрошу, сколько стоит унитаз.

Лео покачал головой.

— Нам не нужен унитаз.

Но Додо уже перебежала дорогу, и через мгновение слышался звонок колокольчика. Додо исчезла за входной дверью.

— Что она делает? — поинтересовалась Хенни, поднося к лицу Лео бумажный пакет, полный лакричных конфет и мармеладовых мишек. — Ой, похоже, на кофе не останется денег.

Он взял лакричную конфету, не сводя глаз с сантехнического магазина.

— Она спрашивает про унитаз...

Хенни возмущенно уставилась на него, затем достала из пакета зеленого танцующего медведя и сунула его в рот.

— Ты, наверное, считаешь меня глупой, — обиженно произнесла она.

— Тогда спроси ее сама...

Наконец дверь магазина открылась, Додо сделала вежливый реверанс и вышла на улицу. Ей пришлось немного подождать, потому что мимо прогрохотала запряженная лошадьми телега, затем она подбежала к ним.

— Папа Вилли в магазине. Большой, с седыми усами. Он выглядит так смешно, как будто хочет тебя съесть.

— А Вилли?

Додо усмехнулась. Вилли сидел сзади и сортировал винты в маленькие коробочки. Она быстро повернулась к нему и показала язык.

— Наверное, он разозлился. Но поскольку там был его папа, не решился ничего сказать. А унитаз стоит двести миллионов марок. По льготной цене.

— Двести марок? — спросила Хенни. — Это очень дорого для такого уродливого унитаза.

— Двести миллионов, — уточнила Додо. Никто из них не мог сосчитать такие цифры.

Хенни нахмурила брови и задумчиво посмотрела на витрину магазина, в которой теперь отражалось яркое полуденное солнце.

— Я тоже спрошу...

— Нет! Ты останешься здесь... Хенни! — Лео попытался схватить ее за руку, но она ловко проскользнула мимо

двух пожилых женщин, и Лео остался смотреть ей вслед. Покачав головой, он стоял и наблюдал, как светловолосая Хенни в маленьком розовом платье исчезла за дверью магазина. — Да вы что, спятили? — ворчал он на Додо.

Они прошли, держась за руку, через улицу и заглянули в витрину магазина. Действительно, у папы Вилли были седые усы, и он действительно выглядел очень смешным. Может быть, у него воспалились глаза? Вилли сидел в самом конце магазина за столом, который был полностью завален маленькими и большими картонными коробками. Видны были только его голова и плечи.

— Меня прислала мама, — прощebetала Хенни и подарила господину Абеле свою лучшую улыбку.

— А как зовут твою маму?

Хенни улыбнулась еще шире. Этот вопрос она просто проигнорировала.

— Моя мама хотела бы знать, сколько стоит унитаз...

— Тот, что в витрине? Триста пятьдесят миллионов. Хочешь, я запишу цену?

— Это было бы очень мило с вашей стороны.

Пока господин Абеле искал листок бумаги, Хенни быстро повернулась к Вилли. Что она делала, было не видно, но глаза Вилли выпучились, как у рыбы. С клочком бумаги в руке Хенни гордо вышла из магазина, с возмущением обнаружив, что Додо и Лео наблюдали за ней через витрину.

— Дай посмотреть!

Додо взяла лист бумаги из рук Хенни. На нем цифрами было написано 350, а за ними слово «миллионы».

— Вот мошенник! Минуту назад было двести миллионов! — возмущенно произнес Лео.

Хенни не умела считать даже до ста, но то, что этот человек был обманщиком, она поняла. Какой негодяй!

— Я снова зайду туда! — решительно воскликнула Додо.

— Лучше не надо, — предупредил Лео.

— Теперь уж точно!

Лео и Хенни остались стоять перед магазином и заглядывали внутрь через стекло. Им пришлось подойти очень близко и заслонить стекло обеими руками, потому что солнечный

свет сильно отражался от витрины. Изнутри послышался задорный голос Додо, затем густой бас господина Абеле.

— Чего ты опять хочешь? — прорычал бас.

— Вы сказали, что унитаз стоит двести миллионов.

Он уставился на нее, и Лео представил, как шестеренки в мозгу господина Абеле медленно приходят в движение.

— Что я сказал?

— Вы сказали двести миллионов. Это верно, не так ли?

Он посмотрел на Додо, затем на дверь и наконец на витрину, где стояла белый фарфоровый унитаз. В эту секунду он заметил двух детей, прильнувших к окну снаружи.

— Негодяи! — сердито прорычал он. — А теперь убирайтесь отсюда! Я не позволю вам меня дурачить... Убирайтесь, или ноги вам повыдергиваю!

— Но я права! — бесстрашно настаивала Додо.

Она быстро повернулась, потому что господин Абеле угрожающе приблизился и даже протянул руку, чтобы схватить ее за косы. Он чуть не поймал ее у входной двери, если бы не Лео, который быстро распахнул дверь, чтобы защитить свою сестру.

— Негодяи, черт бы их побрал! — взревел господин Абеле. — Решили сделать из меня дурака, да? Держись, парень.

Лео увернулся, но господин Абеле поймал его за воротник куртки, и оплеуха пришлась по затылку.

— Не смей бить моего брата! — закричала Додо. — Или я плюну на тебя!

Она действительно плюнула на пиджак господина Абеле, но, к сожалению, попала и в затылок Лео.

В это время в магазине появилась мама Вилли, маленькая стройная женщина с черными волосами, за ней бежал он сам.

— Они показали мне язык, папа! Это Лео Мельцер. Из-за него учитель дал мне сегодня подзатыльник!

Услышав имя «Мельцер», господин Абеле остановился. Лео яростно вертелся, потому что его держали за воротник.

— Мельцер? Мельцер с виллы, наверное? — уточнил господин Абеле и повернулся к Вилли.

— О боже! — воскликнула его жена, прикрывая рот руками. — Не накликай беды, Хьюго. Отпусти ребенка. Я прошу тебя!

— Ты Мельцер с виллы? — рявкнул на Лео владелец магазина. Мальчик кивнул. Тогда господин Абеле отпустил воротник его куртки.

— Тогда никаких обид, — проворчал он. — Я был неправ. Унитаз стоит триста миллионов. Можешь сказать своему отцу.

Лео потер затылок и поправил куртку. Додо со злобой смотрела на огромного мужчину.

— У вас, — величественно сказала она, — мы точно не купим унитаза. Даже если бы он был из золота. Пойдем, Лео!

Лео все еще был в оцепенении. Без возражений он позволил Додо взять себя за руку и повести по улице в сторону ворот Святого Якова.

— Если он расскажет об этом папе... — заикался он.

— Да ладно! — успокоила его Додо. — Он сам испугался.

— Где же все-таки Хенни? — спросил, остановившись, Лео.

Они нашли Хенни в магазине фрау Меркле. На оставшиеся деньги она купила целую четверть фунта кофе.

— Потому что мы очень хорошие клиенты! — сияла она.

2

Мари оторвалась от своего рисунка, когда неожиданно открылась дверь.

— Пауль! О боже — уже полдень? Я совсем забыла о времени!

Он встал у нее за спиной и поцеловал волосы, бросив любопытный взгляд в блокнот для рисования. Вечерние платья, которые она создавала. Очень романтические. Мечты в шелке и тюле. И это в такие времена...

— Я не хочу, чтобы ты заглядывал мне через плечо, — запротестовала она, закрыв обеими руками лист для рисования.

— Но почему бы и нет, дорогая? Твой рисунок прекрасен. Немного... игриво, возможно.

Она подняла голову, прижавшись к его шее, и он нежно коснулся губами ее лба. Даже спустя три года они чувствовали, что это большое счастье — снова быть вместе. Иногда она просыпалась ночью от ужасной мысли, что Пауль все еще на войне, тогда она прижималась к его телу, чувствовала его дыхание, его тепло и снова спокойно засыпала. Она знала, что Пауль чувствует то же самое, потому что он часто брал ее за руку, прежде чем они засыпали, как будто он хотел, чтобы она тоже была с ним во сне.

— Это бальные платья. Они могут быть игривыми. Хочешь посмотреть на костюмы и юбки, которые я разработала? Глянь... — Она вытащила папку из стопки.

С тех пор как Элизабет переехала в Померанию, Мари стала использовать ее бывшую комнату как рабочий кабинет, где она рисовала свои эскизы, а также шила ту или иную одежду. Однако в основном это были работы по починке и ремонту, для которых она пользовалась швейной машинкой.

Пауль делано восхищался ее эскизами и утверждал, что они чрезвычайно оригинальны и очень дерзкие. Он только недоумевал, почему все платья получаются такими длинными и узкими. Словно она создавала свои наряды только для тощих дам.

Мари засмеялась. Она привыкла к колкостям Пауля о ее работе, зная, что он на самом деле гордится ею.

— Новая женщина, мой дорогой, очень стройная, она носит короткие волосы, у нее плоская грудь и узкие бедра. Она пользуется ярким макияжем и курит сигаретку с длинным мундштуком.

— Ужас! — вздохнул он. — Я надеюсь, что ты никогда не возьмешь эту моду за образец, Мари. Достаточно того, что Китти носит мужскую стрижку.

— О, короткие волосы мне бы точно подошли.

— Пожалуйста, не надо...

Он сказал это так умоляюще, что она чуть не рассмеялась. У нее были длинные волосы, которые она заплетала в косы. Но вечером, когда они вместе ложились в постель, Мари садилась перед зеркалом, чтобы распустить прическу,

а Пауль наблюдал, как она это делает. На самом деле ее любимый муж был довольно старомоден в некоторых вещах.

— Дети еще не пришли? — спросила Мари. Она посмотрела на настенные часы с маятником. Это одна из многих вещей, оставленных Элизабет, — другую мебель она забрала с собой, кроме дивана и двух маленьких ковриков.

— Ни дети, ни Китти, — с упреком произнес Пауль. — Внизу, в столовой, мама сидит одинокая и всеми покинутая за обеденным столом.

— О боже!

Мари захлопнула папку и поспешно встала. Алисия, мать Пауля, в последнее время часто болела и жаловалась, что ни у кого нет на нее времени, даже на детей, которые играли в парке с малышами Августы, и никто не заботился об их воспитании. Девочки, в частности, стали уже совершенно «дикими», считала она. В ее время нанимали молодую женщину, которая следила за воспитанием девочек, учила их разным полезным вещам и заботилась о духовном развитии.

— Подожди минутку, Мари! — Пауль преградил ей путь к двери, хитро улыбаясь, словно собирался сделать какую-то шалость. Она рассмеялась. Ох, как она любила эту его мимику! — Я хотел тебе кое-что сообщить, моя дорогая. Только между нами, без свидетелей.

— Да? Только между нами? Секрет?

— Никакого секрета, Мари. Но сюрприз. То, чего ты давно хотела...

«Боже мой, — подумала она. — Чего бы я хотела? На самом деле я абсолютно счастлива. У меня есть все, что мне нужно. Особенно он, Пауль. И дети. Ну, мы надеялись на третьего ребенка, но это обязательно рано или поздно произойдет...»

Он с нетерпением смотрел на нее и был немного разочарован, когда она только пожала плечами.

— Ты не догадываешься? Подсказка: игла.

— Игла. Шитье. Нитка. Наперсток...

— Холодно, — улыбнулся он. — Очень холодно. Витрина магазина.